

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД СЛАДОК

успехом — в 1966 году Лайма стала дипломанткой республиканского конкурса вокалистов.

АНДРЕЙ

Первый раз они увидели друг друга на дискотеке. Ей только исполнилось шестнадцать.

— Я был музыкантом, играл на бас-гитаре, — вспоминает Андрей.

— И сразу обратил на меня внимание, — улыбается Лайма.

— Конечно, как можно было пройти мимо? О, эти глаза цвета морской волны! — восклицает он.

— Были тогда, — смеется она.

Интеллигентный юноша с приятными манерами — из хорошей семьи. Его отец преподавал в Рижском университете политэкономии, а мама работала экспертом торговой палаты Латвии. Андрей Латковский был чуть

ДЕЛОВАЯ ЖЕНЩИНА

Неудивительно, что именно Вайкуле, образец безупречного вкуса, изысканного стиля и ухоженности, открыла в 1993 году салон-парикмахерскую «Лайма-люкс».

На вопрос, приносит ли это предприятие хоть какую-нибудь прибыль, Лайма обычно отвечает: «Кроме головной боли, не приносит ничего. Но для меня салон — дело престижа. Там должны быть хорошие мастера, качественная косметика, я же ставлю свое имя». Тем не менее Вайкуле настроена оптимистично: хочет создать еще и школу парикмахеров. Кажется бы, хозяйка салона должна вовсю пользоваться услугами своего детища. Лайма и в самом деле делает здесь маникюр-педикюр и прочие процедуры, но стрижься летает в Америку к парикмахеру Анатолию Фарверу из Санкт-Петербурга. Сейчас он живет в Филадельфии. «Не знаю, есть ли мастера, которые могут с ним соперничать, — добавляет певица. — Любой макияж могу сделать себе и сама, я же гримируюсь с 12 лет».

ГАДКИЙ УТЕНОК

Детство Лаймы началось плачевно. Каждый раз, когда родители отправлялись на работу (мама Янина была продавщицей в магазине, папа Станислав — рабочим на производстве), их младшая дочка трехлетняя Лаймочка оставалась дома и из глаз ее текли потоки горьких слез. «Я рыдала, потому что думала о том, что в конце концов все умрут: мама, папа, сестры, брат... И я тоже умру».

Сентиментального ребенка вскоре отдали в детский сад. В ее группе была миловидная девочка Маргаритка с гигантскими бантами. «Она всегда стояла впереди, а я где-то сзади, — вспоминает Лайма. — Ох, какая же она была противная, эта первая красавица! А меня все считали гадким утенком. С тех пор я не люблю дичь!»

Я была любимицей семьи, но очень своенравной. И всегда делала только то, что считала нужным. Тяжелый ребенок, ужасный. В пять лет я «наказывала» своих родителей: собирала вещи и уходила из дома. При этом старшая сестра говорила маме: «Неужели ты

ХОЗЯЙКА САЛОНА
НАГРЯНУЛА
С ИНСПЕКЦИЕЙ

веришь ей? Да куда она пойдет!» Но я все равно уходила. За угол дома. Родители шли меня искать и, слава Богу, быстро находили. А я ждала их и думала: «Почему так долго ищут?» Но я же упрямая, если бы не нашли — сидела бы там до утра!»

Она ненавидела «дочки-матери», но обожала «казаки-разбойники». Еще любила играть в до-

ктора. Мечтала стать хирургом и даже потом, в 69-м году, поступила — таки в медицинское училище, но — не судьба...

В школе Лайма быстро вырвалась в отличницы. Но ненадолго: «Сначала все думали, что я буду профессором, потом мне стало некогда — я занялась искусством». Учителя всегда старались посадить ее поближе к себе —

уж слишком много вертелась эта беспокойная Вайкуле. В результате она организовала пару побегов с уроков. Но Лайма со товарищи бойкотировала науки отнюдь не для того, чтобы устроить налет на ближайшее кафе-мороженое. Влекло прекрасное — хотелось петь, танцевать, устраивать представления. В итоге ее стремления увенчались

постарше Лаймы и уже неплохо разобрался в жизни. Благодаря ему девушка, не любившая мясо, почувствовала разницу между говядиной и свиной. А когда Андрей объяснил ей, как отличить лангет от антрекота, она зауважала его по-настоящему. Позже ради Лаймы он согласился поставить крест на собственном музыкальном